К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Чудо соприкосновения

Юлия ЕРЕМЕЕВА

О художественно-эстетическом своеобразии повести Леонида Бородина "Год чуда и печали". К пятилетию со дня памяти

Леонид Иванович Бородин – русский писатель, поэт, публицист. Его многогранное творчество является частью историко-литературного процесса и уходит корнями в православное христианское миропонимание.

Писатель, обращаясь к теме "малой родины", к народным нравственно-этическим идеалам, философски и психологически глубоко и лирически проникновенно изображает духовный облик героев своих произведений. Не стала исключением и повесть "Год чуда и печали", где автор раскрывает тончайшие движения души 12-летнего подростка, находящегося в непрерывном поиске гармонии с собой, миром, Вселенной. Повествование ведется от лица юного героя. На протяжении всей повести с ним происходят порой светлые и загадочные, порой мистические события, вместившиеся в один год, проведенный им в поселке на берегу Байкала.

Повесть автобиографична – Леонид Бородин, родившийся в Иркутске, провёл свое детство в селе Маритуй, "у подножья серых скал" Байкала, куда привёл и героя-подростка. Повесть написана во время отбывания Бородиным первого тюремного срока за участие в подпольной политической организации. Проникнувшись идеями Николая Бердяева, писатель вступил во Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа, ставивший своей задачей "возрождение православных традиций". Впоследствии он вспоминал: "Что бы сегодня ни говорили обо всех этих "бердяевых", сколь справедливо ни критиковали бы их – для нас "веховцы" послужили маяком на утерянном в тумане философских соблазнов родном берегу, ибо, только прибившись к нему, мы получили поначалу пусть только "информацию" о подлинной земле обетованной – о вере, о христианстве, о Православии и о России-Руси" *[Леонид Бородин, "Без выбора"]*.

Юный герой повести, как и её автор, пытается познать себя, – что в настоящей жизни стало причиной ареста писателя, – а подросток в повести начинает осознавать необходимость ответственности за свой выбор.

Действие в повести разворачивается на фоне величественного Байкала, который предстает перед читателем из окна поезда: "Внезапно распахнутся горы <...> и тотчас же откроется необычайное, <...> за чертой которого если вверх, то синева дневного космоса, если вдаль, то беспредельная видимость горизонта". Подросток, очарованный стихийной силой Байкала, испытывая к нему непреодолимое притяжение, стремится понять тайну его суровой красоты, его своенравного характера, его природу.

Леонид Бородин использует сказочно-легендарные сюжеты. Правда, в этой повести происходит своеобразная "мифологизация наоборот" – как приём "оживления мифа", или вторжения, врастания мифической реальности в действительность. Это позволяет автору акцентировать определённые ситуации при помощи параллелей из языческой или библейской мифологии, по схожести или по контрасту. Свободное перетекание мифа в реальность рождает также возможность соотнесения этих пластов во времени: прошлое (миф) – настоящее (реальность). Но прошлое и настоящее в повести сливаются в одной точке, что сразу выводит нас на мысль о вечном характере проблем, поднимаемых писателем.

К использованию мифологизации действительности прибегали Михаил Булгаков в "Мастере и Маргарите", Валентин Распутин в "Прощании с Матерой", Чингиз Айтматов в "Плахе", Виктор Астафьев в "Царь-рыбе". Леонида Бородина тоже можно поставить в этот ряд писателей. Движущей силой в сюжетостроении повести "Год чуда и печали" является познание юного героя и самопознание автора, реализующиеся в противостоянии нравственных ориентиров, которые видоизменяются в ходе исторического развития.

В повести две сюжетные линии – мифическая и реальная, что позволяет писателю провести параллель между героями древних легенд и настоящего времени и сравнить их. В своих поступках герои прошлого и настоящего руководствуются либо языческим, либо христианским мировоззрением. На идейном уровне конфликт произведения раскрывается в их последовательном противопоставлении.

Главная героиня мифического действа – старуха Сарма. Она в наказание за то, что князь Долины Молодого Месяца – Байколла – убил её сына (потомка богатыря Сибира, даровавшего в своё время эту Долину племени для жизни), заточила его с дочерью Ри в скалу, наказав их "вечным раскаянием". Сама же, иссушенная ненавистью, истратила тайну вечной жизни и вечной молодости на смакование своей мести. "В прощении больше всего нуждается тот, кто прощает, потому что тяжела и мучительна ноша мести! Но месть – это долг! А прощение – измена долгу! <...> Добро памятно за добро! Память о зле – в наказании! Если хочешь быть мужчиной, никогда не проси прощения и никогда никого не прощай!" – произносит Сарма, обращаясь к юному герою, когда тот вступился за невольников.

Старуха Васина – антипод Сармы, как две капли воды похожая на неё внешне. Васина – местная целительница и во всем помогает людям. Когда-то Белый дед Генки (друга нашего героя) убил близкого ей человека, но Васину это не озлобило, она не стремится мстить, понимая, что совесть накажет убийцу сильнее.

Юному герою удаётся уговорить старуху Сарму выпустить Ри из заточения. Но взамен он должен взять беду девочки на себя. К тому же по желанию Сармы в реальном мире Ри забывает, кто она такая, и становится обычной девочкой. А если "мальчишка" хоть одним словом намекнет ей о том, что она дочь князя Байколла, то причинит ей боль. Чтобы этого не произошло, подростку, испытывающему первую влюблённость в реальную Ри – Римму, приходится скрывать свои чувства. Подросток благодаря непосредственному участию в реальных и мифических событиях открывает для себя взаимоотношения человека и мира, доказывает свою духовную состоятельность.

Сарма – яркий пример языческого мировосприятия, в котором существовал обычай кровной мести. Христианство отвергает месть, возлагая отмщение на Бога. В судьбе юного героя незримо реализуется духовный опыт христианского мировосприятия. Наблюдая за конфликтом старухи Васиной и Сармы, он понимает, что человек, живущий местью, не в состоянии сделать добро, он постоянно будет думать только о том, как отомстить своему обидчику, убивая этим самого себя.

Мифологические герои появляются здесь не случайно. В далёком детстве человечества люди именно так объясняли себе окружающий мир – через его уподобление жизни людей. Отсюда и приём параллелизма сравнений в фольклоре. А теперь о других параллелях: древний человек под звёздным небом, вопрошающий Вселенную о загадке собственного бытия и мироздания, – и мальчик 12 лет перед бушующим Байкалом, пытающийся понять смысл и своего существования и существования Байкала и суть своих взаимоотношений со стихией.

Детство человечества и юность конкретного героя оказываются лицом к лицу перед вечной загадкой бытия и необходимостью решения вопроса о том, как нужно жить, чтобы не разрушить гармонию мироздания. Это сразу придает философскую глубину повествованию. Человек всегда стремился понять свою роль в отношении к природе как стихии, ему необходимо было определиться с правилами поведения в этом грозном и не постижимом для него мире, выработать нравственные принципы существования человека в нём, чтобы не навлечь беды на себя и своих соплеменников.

И юный герой преодолевает языческую мораль и устаревшие нормы поведения, его мировоззрение несёт в себе новые принципы неразрушимого сосуществования человека и природы, а также христианские понятия и идеалы в отношениях между людьми. Христианское мировосприятие побеждает языческие представления о долге и морали.

И путеводной звездой в этом сражении двух мировоззрений выступает совесть, это изначально данное человеку чувство справедливости, которое не позволяет герою не вмешаться в ход истории, оставить всё как есть на милость мстительной Сармы.

Но и это не всё. Символ всегда многозначен, поэтому Байкал здесь можно трактовать ещё и как "житейское море" (ср.: "житейское море играет волнами" в духовных народных стихах), в плавание по которому пускается юный герой. Другими словами, это ещё и вечная история инициации перед вступлением во взрослую жизнь, и вечно юное человечество, отталкивающееся от берега знаний предков в море непознанного.

Спустя год герой уезжает из посёлка, расстаётся навсегда с Риммой, с Байкалом и с друзьями. Этот год стал настоящим чудом для героя во всех смыслах (в мифологическом мире и реальном).

Ему довелось узнать внезапное пробуждение любви, пусть даже детской, и открыть в себе множество качеств: отзывчивость, душевную щедрость, сострадание, ответственность и готовность прийти на помощь другому, жертвенность, способность видеть в природе не просто красоту, но одухотворенный мир, живущий по своим законам. Герой выдержал испытание достойно и обрёл себя настоящего, поверил в свои силы – и это, возможно, самый главный урок для всей его дальнейшей жизни. Он вынес в душе из всего случившегося чувство любви и родства со всем миром и, конечно, веру в изначальный свет, мудрость и добро мироздания.

Так в обоих планах раскрывается автором вечная в литературе тема нравственного взросления и становления героя – как чуда самопознания, как чуда откровения мира только что пробудившейся, распустившейся, как цветок на заре, душе, испытавшей первую бурю чувств и вступившей с ней в борьбу за обуздание стихийной силы жизни.

В мифологическом плане эту борьбу стихий олицетворяют противостояние могущественного Байкала и злобной, заковывающей его в камень Сармы, и чудо рождения новой личности, утвердившейся в своём стремлении к свету, высокому нравственному идеалу, к вере в победу добра и любви. Так происходит возвышение героя. Название "Год чуда и печали" только подчёркивает неповторимость этой поры в жизни героя, да и любого человека.

Нравственно-философский характер повести "Год чуда и печали" раскрывается в том последовательном утверждении писателем принципов деятельного, ответственного поведения человека перед лицом любой несправедливости в мире. Он и сам был таким неравнодушным, деятельным искателем правды в жизни, которого вела через все испытания совесть очень тонкого к восприятию мира, честного и искреннего человека.

У Бородина обращение к мифам обусловлено в первую очередь тем, что он рассматривает совесть как основное условие нравственного совершенствования человека в его отношениях с миром. В культурно-историческом опыте русского народа такое понимание закреплено уже в устной традиции предания, былин и легенд.

Вспомним основные качества характера былинных героев: насмерть стоять за правду, защищать попранное чувство справедливости и достоинства человека и народа – вот что возрождает в творчестве Леонида Бородина миф как форму универсального для человечества знания и образной передачи опыта народа будущим поколениям.

Наш юный герой оказывается сродни этим былинным героям, их законным наследником и продолжателем традиции. Добавим ещё, что эта проблема – отстаивания правды, традиционных представлений о ней – стояла в первую очередь и перед самим Бородиным.

Повесть, кажется, и родилась потому, что писателю в условиях заключения необходимо было утвердиться самому в том, что он опирается на верное, народное, веками выработанное представление о совести, правде, о должном поведении в её защите, в том, что он способен выдержать все испытания на этом пути.

Вот таким неслучайным в его творчестве чудом соприкосновения с вечным, с духовным опытом многих поколений нашего народа оказалась эта удивительная, пронзительная повесть Леонида Бородина.

На снимке: *директор школы Леонид Иванович Бородин с учениками*

Без идеи...

Валерий СКРИПКО

Иронические заметки об иронической книге

Не устаю удивляться суждениям известного политолога Евгения Сатановского. Свою последнюю книгу о национальной идее он назвал "Шла бы ты….", имея в виду эту самую идею.

Что хочет сказать политолог Сатановский? Понять это не так просто. Он ироничен. Он ничем не обольщается. Он грустно-снисходителен. Но ход его мыслей всё же можно предугадать. Впрочем, как и выводы из всего написанного.

Когда автор начинает рассуждать о национальной идее вообще, можно с уверенностью сказать, что определённая степень объективности будет соблюдена. Потому что ведь не замолчишь, при всём желании, национальную идею государства Израиль, а также известный всем опыт создания мировых империй. Многие народы, подвергаясь нападению, потом возрождались, становились сильными благодаря гражданам-патриотам, а не наёмникам. Как справедливо говорил известный историк И.В. Бестужев-Лада: "Грек, сражающийся за деньги, и грек, сражающийся "за великую Грецию" – это два разных грека".

Сатановский, кажется, вынужден согласиться, что "национальная идея формируется, реализуется и побеждает там, где по-настоящему плохо. Кризис, распад государства, геноцид, гражданская война – её зона. Там она уместна, помогает выгрести, спасает. Даёт ориентиры. Становится путеводной вехой".

Всё объективно и обоснованно. Но как только разговор заходит о России, тут же объективность, как метод, отбрасывается исследователем. Вступают в права эмоции. Причём, отрицательные….

Автор книги сразу вспоминает благословенные времена, когда наша страна была могучей империей. И когда министр просвещения Сергей Семенович Уваров провозгласил русскую национальную идею – триаду: православие, самодержавие, народность! Уважаемый политолог старается нас убедить в том, что Российская империя начала девятнадцатого века была настолько процветающей, что ни в каких национальных идеях не нуждалась! Сатановский искренне недоумевает: как это "сытая и ухоженная власть, которая, позвякивая шпорами, может проявлять любое величие "в соответствии с текущей модой" – вдруг "озаботилась духовностью". На кой чёрт ей эта духовность?

Вот такое восприятие исторической России у конкретного гражданина Сатановского. Между строк читается, что вроде даже этой самой вдохновляющей идеи наша страна не очень-то и достойна. Как-то не вяжутся эти высшие категории духа с реальной, не очень цивилизованной российской жизнью, с воровством, хамством, пьянством. Сразу вспоминаются: свиные рыла чиновников, щегольство, хруст французской булки. Смотрит на всё это через толщу времени политолог Сатановский и аж очки от злости поблескивают! А может, от усмешки…

– Ишь, навыдумывали! – кажется, шепчет он. – Православие какое-то.

Ненужность этой идеи мысленно прослеживается Сатановским от времён Уварова до наших дней. С самого начала политолог воспринимает нашу религию чисто внешне, как "духовную обрядность старого византийского образца". И только. По сути – он духовный инородец. Он стоит в сторонке, он не участвует, а только сердится: "почему авианосец или стратегическую ракету… нельзя сконструировать и построить, не окрестив?". Конечно, можно! И даже без флага! И без герба. Космополит-шахматист Виктор Корчной один из последних матчей, говорят, проводил под пиратским флагом!

Но, видать, совсем не глупые люди с древних времён бережно несут через пустыни ковчег завета и берегут, и строят для него храмы! Их берут в плен, уводят за тысячи земель, а они хранят свою историческую память, язык, обычаи – саму душу Народа!

Рассказывая далее в книге об израильском народе как непобедимом объединении на протяжении нескольких тысяч лет, автор отдаёт должное всем усилиям, методам и средствам, которые сформировали еврейское национальное самосознание, и само понятие "еврейский Народ".

Тут, конечно, решающий вклад внесла религия иудеев. И политолог не думает это отрицать! Немало горьких слов услышат от него верующие иудеи и политики Израиля, но какую-то невидимую грань Сатановский в отношении израильтян всё же не переходит. Их ветхозаветную историю он уважает и ценит, как величайший пример стойкости и умения сплотиться в непобедимую общность.

У нас здесь – на российских просторах – всё для автора выглядит как-то проще, примитивнее что ли! В главе, посвященной стране проживания – России, автор предпочитает за две-три страницы своей книги бегло "пробежаться" по этапам её истории. Два-три предложения автор посвящает мучительным, долгим поискам народа – своего вектора развития.

Вспомним, когда появилась уваровская триада: православие, самодержавие, народность? В начале 1800-х годов, когда России надо было выбирать: каким духовным путём идти? Только что отгремели пушки на Сенатской площади, расстреливая восстание декабристов. Лучшие умы России искали "ориентиры и путеводные вехи"!

Любому читателю достаточно прочитать в интернете небольшую информацию о деятельности министра Уварова, чтобы понять: самые острые проблемы духовной жизни российского общества обозначились уже тогда. Многие из них не потеряли свою актуальность в наши дни! С.С. Уваров, например, считал, что: "только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому".

Воспитанный аббатом-католиком бывший масон Сергей Семёнович Уваров словно прозрел: в 1830-х годах он говорил: "русский, глубоко и искренне привязанный к церкви своих отцов, взирает на неё как на залог семейного и общественного счастья. Без любви к вере предков и народ, и частный человек, погибнет. Ослабить веру в них, значит вырвать сердце и лишить крови…".

Много замечательных мыслей Уваров высказал и по другим вопросам,

Но не будет вникать в суть этих тонких духовных материй наш политолог Сатановский. У него по поводу русского народа совсем другие ассоциации…

Досталась этому народу чудовищно большая территория. Жить бы да жить, а ему не живётся. И вечно носится со своим православием. Сейчас этот призыв в качестве национальной идеи способен, по мнению автора, спровоцировать уход национальных меньшинств России в радикальный ислам. Почему именно: в ваххабиты, а не в традиционные религии Востока – ислам и буддизм? – автор не поясняет. Видимо, чтобы больше нагнать страху!

А что делать?

В кратком послесловии автор книги предлагает:

1) "расслабиться",
2) заниматься семьёй,
3) в меру сил улучшить мир вокруг,
4) работать,
5) не дёргаться,
6) не нравится страна – уехать в другую.

"Преуспевающие (народы, страны, – *В.С.*) … живут без всякой национальной идеи", – между делом замечает Евгений Сатановский.

Да и то верно. Связываться с ней – себе дороже! Будем считать себя преуспевающими! Сатановский отмечает, что мы "не заботливы друг к другу, независимо от того, какие слои общества мы представляем". Это – чистая правда! Будем заботливы. И у нас всё получится. Будет скучный, размеренный быт. Сытые дети. Толстые родители. По телевизору – сериал "Воронины" с ещё более толстыми героями. Нормальная программа для среднего класса полностью зависимой от Запада страны.

"Расслабимся" и ваххабиты убегут в леса от ужаса. Иисус Христос в своё время исцелил расслабленного. Теперь нам предлагается сделать обратную операцию – расслабить неисцелённого…

Нам предлагается "в меру сил улучшить мир вокруг", то есть: без социализма – что-нибудь куда-нибудь запустить, завершить пятилетку в три года.

Без Суворова – переправиться через Альпы! Без религии – победить всех террористов! Без инвесторов и рынков сбыта – работать!

В крайнем случае, сменим страну проживания. Средний класс – гражданин мира. Собрался – да улетел! Но Байкал жалко, себя жалко!

А может, психанём, да поднимем флаг национальной идеи, наконец, вспомним (по совету Жеглова), что мы не "маньки-облигации", а очень даже приличные граждане своей страны, которая имеет все шансы стать великой!

"Они тоже хотят счастья!.."

Кристина НОВОСЁЛОВА

О книге рассказов Елены Тулушевой "Чудес хочется!"

Совсем недавно книжная полка современных русских прозаиков пополнилась: в свет вышел сборник рассказов Елены Тулушевой "Чудес хочется!". Сразу отмечу – книга заняла место не где-нибудь во втором ряду у стенки среди пыльных и давно нечитанных вследствие своего одноразового использования сомнительных детективов и прозы "особо чувственного и любовного" содержания. Дебютному изданию молодой писательницы отведено место более значительное.

И дело вовсе не в оригинальной обложке или, как нередко сейчас случается, в эпатажности писателя и его заявлений; нет, особенность в содержании и в той удивительной способности изложения событий, которая превращает их из привычных – в силу циничного равнодушия современного общества к чужим несчастьям – в трогательно-наглядные, порой катастрофически реальные.

Слово "катастрофически" употреблено неслучайно. Русский писатель, главный редактор журнала "Наш современник" Станислав Юрьевич Куняев охарактеризовал творчество молодого прозаика так: "Елена Тулушева пишет о тех, от кого отвернулось общество. Для них придумали определения: неблагополучные проблемные подростки.

А для Елены это прежде всего дети. И, как все дети, они нуждаются в заботе и доброте. Тулушева – психолог в московском центре по работе с подростками, страдающими наркозависимостью и жертвами насилия. О своих подопечных она знает всё. И старается помочь, в том числе и словом писателя, обращаясь к нашей совести и состраданию". Как тонко подмечено: "Совести и состраданию".

Елене Тулушевой своими рассказами удаётся разрушить холодную обособленность человека от невзгод, которые не касаются его, но в это время, вероятно, поглощают юную и одинокую душу, страдающую не по своей вине, несущую ответственность за чужие ошибки и равнодушие.

Действительно, главное место в большинстве произведений писательницы занимают дети. Но не те, кто счастливыми глазами смотрят на таинственный и ещё пока приветливый для них мир, и не те, кто одарены вниманием и родительской любовью, защищающей от сторонних бед и несчастий.

Герои Елены Тулушевой переживают душевный надлом, они в разладе с самими собой и с окружающим миром.

Неслучайно сборник называется "Чудес хочется!". "Название "Чудес хочется!" отражает скорее не содержание, а общую надежду моего творчества. В самих рассказах чудес крайне мало, но тем больше их хочется и ждётся", – говорит Елена Тулушева в одном из интервью. Конечно, страшно приходить к выводу, что порой судьба ребёнка, его здоровое и полноценное развитие зависит только от чуда.

Но такова неприукрашенная жизнь.

В рассказе "В хорошие руки" показана судьба маленького Саши. Скорее даже не судьба, а точка невозврата, от которой зависит вся последующая жизнь. Сашу, оказавшегося в приюте, словно котёнка, по-циничному быстро пытаются пристроить в семью, отдать дедушке, который желал когда-то, чтобы внук и вовсе не появлялся на свет. Во время прений членов комиссии, стремящихся как можно скорее сбыть с рук "государственного ребёнка" (это даже не казённый термин, а какой-то словесный памятник бюрократизму!), в душе Саши происходит буря эмоций, страхов, раздумий о том, что его ждёт.

Читатель может заметить, что душа ребёнка гораздо более объёмная, живая, нежели уже усохшие души взрослых людей, обременённых личными бытовыми проблемами, стремлением избежать лишней мороки с документами.

Но ведь в этот момент на одну искалеченную детскую судьбу становится больше.

В кого может с годами превратиться светлый доверчивый Саша, показывает рассказ "Слава" – один из самых сильных в книге. Слава из тех, кого характеризуют как трудного и проблемного подростка.

Если смотреть привычно-оценивающим взглядом, кого мы увидим? Агрессивного, жестокого, эгоистичного парня, который живёт от рюмки до рюмки, ненавидит Бога и церковь, испытывает сожаление от того, что "не дорезал" случайного прохожего, встретившегося в период помутнения разума вследствие сильного опьянения, и теперь вынужден отвечать по закону за свои действия. Образ этого парня явно негативный, пугающий. Но как он таким стал?

Елена Тулушева фотографически вводит в рассказ мимолетные воспоминания Славы о том детстве, которое он не смог простить матери. Что за плечами этого подростка?

Три года кадетства – "три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание", все те скитания в виде пятидневок в саду, лагеря на три смены и "подобия армии для сотни брошенных мальчишек".

Изначально и Слава был не чужд человеческим чувствам, он терпел, тайком вытирал слёзы, старался всё понять, глядя на мать, которая навещала его в выходные дни, разводила руками после жалоб маленького сына и объясняла, что ей некогда за ним следить, так как нужно зарабатывать деньги. Мать так и не поняла, что не следить за ним нужно было, а любить.

Славе, "чтобы выжить, нужно было драться. Постоянно, за все <...>. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая всё больший авторитет, он дрался, чтобы удержать позицию".

А в итоге: сломанная, искалеченная и неполноценная жизнь, которую легко осуждать в педагогическом рвении и которой так сложно посочувствовать и попытаться её понять.

Особенностью творчества Елены Тулушевой является то, что она как раз пытается понять, выслушать такого горе-героя, показать те чувства, которые переполняют его ожесточённую душу, послушать его внутренний монолог. И резко закончить эту посредническую связь, предоставив читателю возможность самостоятельно решить, что же будет дальше. Ни единого намёка на нравоучение!

Есть лишь эпизоды, отображённые максимально реалистично, будто это последовательные кадры видеохроники.

В одном из интервью Елену Тулушеву спросили о том, требовали ли от неё как-то "повлиять" на своих героев, "перевоспитать" их. "Осудить и перевоспитать – да, требовали. Но никак не пойму: зачем? Кто-то мне говорил, что обязательно нужно привести героя к свету, в этом задача литературы. Но позвольте, мы ведь не о педагогике говорим, а о литературе. Я стремлюсь к тому, чтобы мои рассказы вызывали какие-то чувства. И неважно, боль это, или протест, или раздражение. Ведь если чувства появятся, значит, тронуло, зацепило. А осудить ли, или перевоспитать – это читатель сам в состоянии выбрать, уже после прочтения моей книги", – так выразила свою точку зрения писательница.

На презентации книги Елены Тулушевой заместитель главного редактора журнала "Наш современник" Александр Иванович Казинцев рассказал, что, начиная работу с подростками, Елена разместила на странице в социальных сетях фотографии своих подопечных с характерной подписью: "Они тоже хотят счастья".

И это стало её девизом – не только врачебным, но и писательским.

Герои произведений незнакомы с понятием "счастье". И уже в раннем возрасте задаются вопросом: "Зачем жить?" – так назван один из рассказов сборника. Удивительную параллель проводит Елена Тулушева с детьми блокадного Ленинграда, которые боролись за своё существование, цеплялись за малейшую возможность выжить, потому что они знали, зачем им это нужно. "А я хочу так страстно жить, веровать, чувствовать!.. я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!" – запись из дневника ленинградского подростка-блокадника Юры Рябинкина. "Выдержим ли? Главное и единственное желание – не потерять детей, не видеть их гибель. Делаю все возможное, чтоб его (сына) лучше кормить, но всего этого слишком мало…" – записывала в дни блокады одна из тысяч ленинградских матерей Елена Скрябина *("Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки")*.

А вот героям Елены Тулушевой не дали той уверенности в необходимости жить, чувствовать, быть человеком. Им вообще ничего не дали. Дети наркоманов и пьяниц, никому не нужные, променянные на очередную дозу, вынуждены самостоятельно искать смысл жизни.

Фёдор Михайлович Достоевский сказал: "Вера не от чуда рождается, а чудо от веры". Спасибо Елене Тулушевой за то, что она подготовила почву для этой веры.

Может, и чудеса ещё случатся.